

ЯЗЫКОВАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ВОЗЗРЕНИЙ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ НАРТСКОМ ЭПОСЕ

¹М. А. Ахматова, ²С. М. Хуболов

¹Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, Нальчик, Россия
e-mail: mari.ahmatova@yandex.ru

²Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, Нальчик, Россия
e-mail: khubol@yandex.ru

Аннотация. Актуальность темы исследования детерминруется релевантностью поливекторного системного изучения архаизированных религиозных воззрений карачаевцев и балкарцев, что нашло отражение в текстах нартского эпоса. В статье анализу впервые подвергаются доисламские составляющие верований карачаево-балкарского народа, к которым в первую очередь относится тенгрианство, а впоследствии и христианство. Целью статьи является рассмотрение специфики отражения религиозных воззрений карачаево-балкарского этноса в нартском эпосе посредством различных языковых средств. Для достижения цели поставлены задачи, ориентированные на определение архаических тенгрианских божеств, артефактов, связанных с шаманизмом, а также выявление и описание их функциональных особенностей. Исследование проводилось в основном с использованием описательного метода, а также с привлечением методов сравнения, компонентного и лексико-семантического анализа, различных процедур лингвистической интерпретации языковых фактов.

В результате проведенного исследования приходим к выводу, что ядро сферы религиозных воззрений этноса, получивших отражение в эпосе, составляет тенгрианство, в пользу чего свидетельствует наличие в нем системы небесных божеств, основные из которых являются покровителями таких значимых стихий, как небо, земля, вода и огонь. Кроме того, выявлен целый ряд устойчивых дескрипций, содержащих в своем составе имя верховного божества Тейри, которые по сегодняшний день обслуживают сферу речевого этикета, отражают веру носителей языка в возможность получения различных благ от него при определенных условиях. В текстах эпоса Тейри антропоморфизирован, его культ вхож в круговорот жизни человека, он всемогущий и вездесущий Бог, обнаруживающийся во всем, являясь создателем космоса, живых существ и поддерживающим их жизнедеятельность. Наряду с тенгрианством формированию духовной культуры, религиозно-мифологических воззрений карачаевцев и балкарцев в некоторой степени способствовал и шаманизм, элементы которого в эпических текстах представлены наименованиями различных персонажей и орудиями их деятельности.

Также в текстах эпоса отразилось время, когда формой религиозных верований у предков карачаевцев и балкарцев было сложное переплетение язычества с элементами православного христианства. В основном, это связано с фигурой Элии (он же ветхозаветный пророк Илья), выступающим покровителем нартвов во всех их делах. Данное исследование имеет перспективу для последующих научно-теоретических изысканий, нацеленных на междисциплинарный анализ эпического дискурса, что позволит в полной мере представить целостную картину мира карачаево-балкарского народа на ранних этапах его формирования.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык; фольклорный текст; нартский эпос; религия; тенгрианство; шаманизм; христианство; система божеств; религиозная атрибутика; функция; языковая экспликация; семантика; этнокультурное значение

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Внутреннего гранта КБГУ «Мифологическая лексика карачаево-балкарского языка» (Договор № 34), в рамках программы «Приоритет 2030».

Для цитирования: Ахматова М. А., Хуболов С. М. Языковая экспликация религиозных воззрений в карачаево-балкарском нартском эпосе. *Эпосоведение*. 2025;1(37):5–13. <https://orcid.org/10.25587/2782-4861-2024-4-5-13>.

Original article

Linguistic explication of religious beliefs in the Karachay-Balkarian Nart epic

¹Mariam A. Akhmatova, ²Sakhadin M. Khubolov

¹Kh. M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia
e-mail: mari.ahmatova@yandex.ru

²Kh. M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia
e-mail: khubol@yandex.ru

Abstract. The relevance of the research topic is determined by the relevance of a multi-vector systematic study of the archaic religious beliefs of the Karachays and Balkarians, which is reflected in the texts of the Nart epic. For the first time, the article analyzes the pre-Islamic components of the beliefs of the Karachay-Balkarian people, which primarily include Tengrianism, and subsequently Christianity. The purpose of the article is to examine the specifics of reflecting the religious beliefs of the Karachay-Balkarian ethnic group in the Nart epic through various linguistic means. To achieve this goal, tasks were set aimed at identifying archaic Tengrian deities, artifacts associated with shamanism, as well as identifying and describing their functional features. The research was conducted mainly using the descriptive method, as well as using methods of comparison, component and lexico-semantic analysis, and various procedures for the linguistic interpretation of linguistic facts.

As a result of the conducted research, we come to the conclusion that the core of the religious beliefs of the ethnic group reflected in the epic is Tengrianism, which is supported by the presence of a system of celestial deities in it, the main of which are patrons of such significant elements as heaven, earth, water and fire. In addition, a number of stable descriptions containing the name of the supreme deity Teiri were identified, which still serve the field of speech etiquette, reflecting the belief of native speakers in the possibility of obtaining various benefits from it under certain conditions. In the texts of the epic, Teiri is anthropomorphized, his cult is included in the cycle of human life, he is an omnipotent and omnipresent God, who is found in everything, being the creator of the cosmos, living beings and supporting their vital activity. Along with Tengrianism, shamanism also contributed to the formation of the spiritual culture, religious and mythological views of the Karachays and Balkars, the elements of which in the epic texts are represented by the names of various characters and the tools of their activities.

The texts of the epic also reflect the time when the form of religious beliefs among the ancestors of the Karachays and Balkars was a complex interweaving of paganism with elements of Orthodox Christianity. This is mainly due to the figure of Elijah (aka the Old Testament prophet Elijah), who acts as the patron saint of the Narts in all their affairs. This study has prospects for subsequent scientific and theoretical research aimed at interdisciplinary analysis of epic discourse, which will allow us to fully present a holistic picture of the world of the Karachay-Balkarian people at the early stages of its formation.

Keywords: Karachay-Balkarian language; folklore text; Nart epic; religion; Tengrianism; shamanism; Christianity; deity system; religious attributes; function; linguistic explication; semantics; ethnocultural significance

Acknowledgements: The study was conducted with the financial support of an Internal grant from KBSU “Mythological vocabulary of the Karachay-Balkarian language” (Agreement No 34), within the Priority 2030 program.

For citation: Akhmatova, M. A., Khubolov, S. M. Linguistic explication of religious beliefs in the Karachay-Balkarian Nart epic. *Epic studies*. 2025;1(37):5–13 (in Russian). <https://orcid.org/10.25587/2782-4861-2024-4-5-13>.

Введение

Изучение духовной жизни социума предполагает обращение к различным ее аспектам, среди которых релевантны и религиозные воззрения, которые неразрывно связаны с различными культурными процессами, происходящими в этносе. Априори карачаево-балкарские религиозные традиции, как и у других тюркских народов, своими корнями уходят в глубокую древность. В настоящее же время карачаевцы и балкарцы являются приверженцами ислама, который нашел свою нишу среди них относительно недавно, о чем свидетельствуют специальные исследования, актуализирующие то, что период окончательного массового обращения горцев, проживающих в Карачае и Балкарии, в мусульманство начался в первой половине XVIII в. и продолжился до начала XIX в. [1, с. 171]. К тому же ислам в целом «распространялся в тюркской среде довольно длительное время, ислам постепенно и с осторожностью адаптировался к тенгрианству как открытому мировоззрению, сохраняя его необходимые для тюркских народов традиции и обычаи. Ислам в начале своего распространения использовал только те свои основания, которые совпадали с менталитетом тюркских народов» [2, с. 224]. Исходя из этого, можно говорить о том, что основной религией предков современных карачаевцев и балкарцев, как и многих тюркоязычных народов, было тенгрианство – религиозно-философское учение тюрков. Как и большинство древних тюрков, они поклонялись верховному богу – Тейри (Тенгри), ассоциировавшемуся с такими понятиями, как ‘небо’ и ‘божество’ [3; 4], который, как считали предки, решает все, и именно по его воле в жизни происходят все события. Еще в начале XIX в. Г. Ю. Клапрот писал: «Простой народ, строго говоря, не имел установившейся религии, а поклонялся богу, коего называл Тагри, а не Аллахом, дарующим все блага, и пророку Илии (Неби Илия), который, по их словам, часто является на вершинах самых высоких гор и которому они совершают жертвоприношение в виде ягнят, молока, масла, сыра и пива (ера), сопровождая их пением и танцами» [5, с. 116].

Опираясь на вышеизложенное, мы в данной работе ставим цель рассмотреть специфику отражения религиозных воззрений карачаево-балкарского этноса в нартском эпосе посредством различных языковых средств.

Для анализа привлечен материал, отобранный путем сплошной и целенаправленной выборки из опубликованных эпических текстов [6] и лексикографических источников [7; 8] карачаево-балкарского языка.

Актуальность работы продиктована важностью лингвокультурной интерпретации архаизированных, но оставшихся в исторической памяти этноса его религиозных воззрений, связанных с окружающей действительностью.

Новизна исследования сопряжена с тем, что в научный оборот вводится ряд новых сведений, которые способствуют детальнее раскрыть глубинные составляющие эпоса, связанные с мышлением и культурой в части религии.

В работе превалирует широко распространенный в филологической науке, в т. ч. и в лингвистике, описательный метод. Привлекаются по мере необходимости методики сравнительно-сопоставительного, компонентного и лексико-семантического анализа, а также процедуры лингвистической дефиниции языковых фактов. Методологическую основу в целом составляет лингвокультурологический анализ, позволяющий отразить специфику архетипических составляющих карачаево-балкарской этнокультуры, в т. ч. и религии.

Вербализация тенгрианства в нартском эпосе

Имеющийся в нашем распоряжении фактологический материал позволяет говорить о том, что тенгрианство, его ядерные конститuenty органично вплетены в ткань карачаево-балкарского нартского эпоса. Оно «как основная религия прототюрков и тюрков, представляет собой сложную религиозную систему, включающую в себя в исторической взаимозависимости и взаимной связи естественную религию, политеизм и монотеизм» [9, с. 83]. Вера в культ Тенгри возник не случайно. По мнению М. Сеидова, у тюрков все было подчинено воле Тенгри, и,

поэтому Небо воспринималось как Бог, а цвет неба стал священным [10, с. 164]. Относительно древности религиозных воззрений тюрков небезынтересны научно-теоретические изыскания Р. Н. Безертинова, который пишет: «Еще до принятия буддизма, христианства, ислама тюрки имели свою, более древнюю и самобытную религию. Она была основана на культе космического божества Тэнгри» [11, с. 6]. Особую роль тенгрианства в жизни тюрков отмечает и Н. Г. Аюпов: «Тенгрианство как культурный феномен, как открытое мировоззрение, как религиозная идея является наследием наших предков. Не знать его, это историческое преступление перед памятью предков и будущими поколениями» [2, с. 4]. У культуролога Ф. А. Урусбиевой представлена следующая дефиниция Тенгри: «Тейри – всепроникающая и животворящая демидургическая субстанция, осознаваемая не в антропоморфном или зооморфном обличье, а метафорически» [12, с. 32].

Тексты карачаево-балкарского нартского эпоса содержат достаточно богатый материал, свидетельствующий о различных религиозных традициях народа, сопровождающих его на протяжении всей его истории. Во времена тенгрианства, как было сказано выше, главным божеством был Тейри, которому посвящены гимны-песни, например, в нартском эпосе: *Тейри, сени къулунгма, кесим да нарт улума! / Суу Тейрисси, суудан салгъанса къанымы, / Кёк Тейрисси бергенди жанымы. / Жер Тейрисси, ашла бла тойдурдунг, / Апсатыдан малла берип сойдурдунг. / Нартла бары жаратылдыкъ, Тейри, къанынгдан, / Нартха ётдю хар бир жигинг санынгдан. / Баш урама, тал чыбыкълай, ийилип, / «Тейри!» – дейме, хар заманда, сююнюн* [6, с. 283] – ‘Тейри! Я, нартов сын, – твой раб! / Тейри Воды сотворил из воды мою кровь, / Тейри Неба даровал мне мою душу. / Тейри Земли едой насыщает – / [Он] животных Апсаты дает свежевать. / В нартах течет твоя кровь, Тейри, / Нарты – часть твоей плоти. / Кланяюсь [тебе], согнувшись, как ивовый прутик, / [Имя твое] «Тейри» произношу всегда с благоговением!’ [6, с. 582]. Как отмечает Т. М. Хаджиева, подобная «умиловительная образность связана с внесением подобных языческих гимнов в эпос на более поздних этапах его развития, когда сознание людей уже отрицало императивное общение с божеством» [13, с. 234].

В карачаево-балкарском языке немало сложных слов и выражений с компонентом *тейри*, которые используются и в настоящее время: *тейри къылыч* ‘радуга’, *тейри эшик* ‘врата бога Тейри’, *тейри жарыкъ* ‘заря’, *тейри эшиги ачылыргъа* ‘посчастливиться, повезти кому-либо’, *тейри эшик ачылуу* ‘знамение, при котором открываются небесные врата’, *тейри адамы* ‘человек Тейри’, *тейри* ‘честное слово, клянусь’ [14, с. 427–428]. Как явствует из специальной литературы, посвященной этнографическому аспекту карачаево-балкарского фольклора, рудименты древнетюркского верховного божества прослеживаются в заклинаниях и клятвах, в благопожеланиях и проклятиях, паремиях и загадках, космогонических и топонимических словосочетаниях [3, с. 167].

Карачаево-балкарский нартский эпос начинается с описания сотворения мира, которое было связано с деятельностью *Кёк Тейри* ‘Тейри Неба’, *Кюн Тейри* ‘Тейри Солнца’, *Суу Тейри* ‘Тейри Воды’ и *Жер Тейри* ‘Тейри Земли’: *Кюн Тейрисси кюнню жаратханды. Жер Тейрисси жерни жаратханды. Ююнчюге тенгизле жаратылгъандыла. Кёк бла жер жаратылгъандан сора экисини ортасында адам улу жаратылгъанды* [6, с. 68] – ‘Тейри Солнца сотворил солнце. Тейри Земли сотворил землю. В третью [очередь] были сотворены моря. После того как [Тейри] были сотворены небо и земля, между ними были сотворены люди’ [6, с. 302]. Следует обратить внимание на то, что в некоторых текстах эпоса *Кюн Тейри* ‘Тейри Солнца’ выступает как всемогущий и главный *Тейри*, как один из создателей земли и космоса: *Кюн Тейрисси тейрилени башыды, оноучусуду... Ол къайнайды, жайда жерге къаты жылыу береди, къышда, бизден жылыуун Ёксюзле дунясына иеди, аланы жылытады. Кюн Тейрисси, ачыуланса, жерни кюйдюреди, тенгизлени къурутады...* [6, с. 68] – ‘Тейри Солнца – глава, предводитель [всех] Тейри... Он [все время] кипит: летом дарует свою жару земле, зимой же посылает [часть] этого тепла в Мир сирот и согревает их. Когда Тейри Солнца гневается, он выжигает землю, иссушает моря...’ [6, с. 302].

В нартском эпосе Земля олицетворяет женское начало, а Небо мужское. Подтверждением тому является отрывок из текста, в котором описывается зачатие и рождение нарта Дебета (чье имя означает ‘огненноликий’ (*дыпбет*), где *дып* трансформировался в *топ* ‘огонь’, а *бет* означает ‘лицо, лик’. Возможна и другая этимология, согласно которой, *тап* ‘метина, пятно, рябина’ – *тапбет* ‘с рябинами на лице, рябой’ [15, с. 589]: *Кёк Тейрисы Жер Тейрисин алгъанды, / Кёк кюкюреп, бу Жер бууаз болгъанды. / Тогъуз жылыны, тогъуз кюнню бууаз болуп тургъанды, / Жер жарылып, сора Дебет туугъанды* [6, с. 68–69] – ‘Тейри Неба женился на Тейри Земли, / Загрохотало небо – и земля зачала. / Девять лет и девять дней она тяжелой была, / Потом земля разверзлась, и родился Дебет’ [6, с. 302–303]. Во многих ситуациях герои эпоса обращаются к Тейри с какой-либо просьбой или за помощью и т. д.: *Сора, кезиу Ёрюзмекге келип, Жер Тейрисинден тилеп, эмегенни жерге ургъанды* [6, с. 219] – ‘В очередной раз Ёрюзмек... попросил Тейри Земли помочь ему. Тейри Земли... сделал землю мягкой, словно тесто, и эмеген по все свои четыре шеи ушел в землю’ [6, с. 493]; *Батыр болургъа, жсаудан артха турмазгъа Кёк, Жер, Суу, От Тейриле бла ант, тоба этгендиле* [6, с. 118] – ‘... клялись именами Тейри Неба, Тейри Земли, Тейри Воды и Тейри Огня быть смелыми и не отступать перед врагом’ [6, с. 365].

Шаманистические составляющие эпического текста

Раскрывая элементы шаманизма в эпосе, Д. Б. Бадмацыренова, А. А. Будаин отмечают, что «... шаманизм – это универсальная философия, которая проявляется в виде оригинальной духовной практики управления метафизической реальностью» [16, с. 65]. По мнению М. Ч. Джуртубаева, нет прямых подтверждений тому, что у карачаево-балкарского народа бытовал шаманизм, но не исключено, что у их далеких предков все же были шаманы [17, с. 90], т. к. шаманизм оставил свой след и в практической жизни карачаево-балкарского народа. В качестве примера можно привести тексты эпоса, в которых отражены «шаманистские» элементы. И, как отмечают некоторые исследователи, шаманизм – это опыт первичного мировоззрения тюрков, переросшее в тенгрианство, т. е. то, что европейцы считали шаманизмом, для тюрков была начальной ступенью религиозных воззрений, связанных с верой в Тенгри. Но, несмотря на то, что наблюдается много общего между тенгрианством и элементами шаманизма, все же предки карачаевцев и балкарцев, как и предки других тюркских народов, поклонялись природным силам и Тенгри (карач.-балк. *Тейри* или же *Кёк Тейри* ‘Тейри Неба’, а также *Уллу Тейри* ‘Главный Тейри’).

Къамичи ‘плеть’ – артефакт, созданный на заре человечества, является важным атрибутом шамана (также скотоводов и всадников), которая представляется символом силы и власти. В тексте эпоса *къамичи* или *кийиз къамичи* ‘войлочная плеть’ помимо своего прямого назначения, например, погонять (скот), служит инструментом оборотничества: [*Эмеген*] *Ундурукъ къулагъындан къамичини алды, дейди: / – Кёгде баргъан къанатлы болмаса, / Жерде баргъан жаныуарны иймезча, эгер бол! – деп, / Жатхан Ёрюзмекни урду, дейди, / Ёрюзмек, сынсып, эгер болуп къопду, дейди, / Эмеген да, элтип, аны эгерлерине къошду, дейди* [6, с. 108] – ‘[Эмеген] Снял со спинки кровати войлочную плеть, говорят, / Сказав: «Стань охотничьей собакой, которая, кроме птиц на небе, / Могла бы догнать любого зверя на земле». / Ударил ее лежащего Ёрюзмека, говорят. / Ёрюзмек заскулил и превратился в охотничью собаку, говорят’ [6, с. 350]. *Къамичи* также выполняет и сакральную функцию – у некоторых народов плеть, висющая у изголовья кровати, служила защитой во сне от злых духов. Что касается *кийиз къамичи* ‘войлочная плеть’, то М. Ч. Джуртубаев полагает, что колотушка шамана позже стала восприниматься как плеть, ударом которой можно превратить человека в животное [17, с. 44]. В некоторых произведениях фольклора, ударив плетью о землю, можно получить желаемое, например, *Къозуну къонакъгъа сойдум, / Къонакъ манга къамичи берди, / Къамичини жерге урдум, / Жер манга жемиш берди...* [18, с. 272] – ‘Ягненка порезал гостю, / Гость мне плеть дал. / Плетью хлестнул землю, / Земля мне фрукты дала ...¹’. Или же обмотав такой плетью какой-либо груз, можно

¹ Перевод авторов

очень быстро перенести его в другое место: *Кичи эмеген айтды: – Ол кийиз къамичиди. Не улуу ырысхыны да, аны бла кысып, «Элт ары, келтир бери!» – дегенинглеи, айтханынгы этип къояды* [6, с. 211] – ‘Младший из эмегенов ответил: – Это войлочная плетъ. Если перевязать ею даже самый большой груз и приказать: «Отнеси туда-то!» – она немедленно исполнит’ [6, с. 483].

В эпосе есть текст под названием «Волшебная палка нартвов». Исследователи эпоса связывают эту палку – *нартланы таягъы* или *нарт таякъ* ‘палка нартвов’ – с шаманским жезлом. Функцией *нарт таякъ* была помощь нартвам, а по отношению к их врагам – эмегенам она представляла собой губительную силу: *Къызыл таякъ, уу таякъ, / Эмегенни жыкъ, таякъ, / Жаны чыкъсын, сен тийгенлей, / Ууунгу ий анга, жетгенлей* [6, с. 285] – ‘Красная палка, ядовитая палка! / Эмегена с ног свали, палка, / Пусть душа вылетит, как только ты дотронешься [до него]! / Яд [своей] выпускай, как только к эмегену приблизишься’ [6, с. 584].

В одном из текстов эпоса встречаются следующие строки: *Сен нарт Тейрини таягъы, / Дулдур атны туягъы, / Къарт маралны жаягъы* [6, с. 285–286] – ‘Ты – палка, [ниспосланного нам] Тейри нартвов! / [Ты] – копыто быстрого коня, / [Ты] – щека старого марала’ [6, с. 584], которые являются свидетельством тому, что у карачаевцев и балкарцев «до конца XIX в. наряду с религией ислам бытовали и другие формы религий» [13, с. 231]. В строке *Сен нарт Тейрини таягъы* (речь идет о Боге Тейри, даровавшем нартвам волшебную палку; связано с тенгрианством), *Дулдур атны туягъы* (Дулдур – это мул зятя пророка Мухаммада – халифа Али; связано с исламом), *Къарт маралны жаягъы!* (реликт эпохи шаманизма).

В нартском эпосе встречаются и такие предметы, как *кечеги бѣрк* ‘ночная шапка’ (если надеть эту шапку, можно увидеть все, что происходит на земле, под землей и под водой), *сибил бѣрк* ‘волшебная шапка или же шапка-невидимка’, *жантау* ‘волшебный аркан’ (у кого есть такой аркан, тот живет припеваючи, если его забросить, то в него соберутся животные со всей округи) [6, с. 210–211]. От лексемы *сибил* ‘волшебный, колдовской, колдун’ производно слово *сибилчи* ‘жрец (определенного разряда)’ [15, с. 572–573]. По одной из версии, так звали сына главного героя эпоса – Ёрюзмека: *Сибил нартла да, чаба-жорта, Сибилтиге джетгендиле, / Сибилтиде къонушлары Минги таугъа келгендиле, / Тауну айрысын кѣрюп, нек болгъанын билгендиле, / Къууанч тоюн къура, Къала таууна киргендиле* [6, с. 278] – ‘Нарты-сибилы вскачь, рысцой, добрались до Сибилты. / А в Сибилте к своему поселению, к Минги тау, пришли / И увидев седловину горы, узнали, почему это случилось. / С весельем, тоем в Кала-Тау вошли’ [6, с. 575].

В карачаево-балкарском эпосе отголоски шаманизма сохранились не только в различных атрибутах, но и в образах *къуртха* ‘вещунья, гадалка, предсказательница’ [7, с. 710], *обур* ‘1. Оборотень. 2. Колдунья. 3. Упырь’ [7, с. 1008], *билгич* ‘предсказатель, ясновидящий’ [8, с. 423], которым под силу излечить, спасти, предсказать, дать совет и т. д. героям эпоса: *Чаришчиле Минги таудан къайтып келе тургъанда, нартланы обуру – Мичилиу тынгылап, къайсы ат алгъа келгенин билип болгъанды* [6, с. 174] – ‘Когда участники скачек, [поднявшись] на Минги тау, возвращались оттуда, ведунья нартвов Мичилиу, [как всегда], послушала, [приложив ухо к земле], чтобы узнать, чей конь скачет первым’ [6, с. 434]. Нарт Карашауай был способен наслать холод, принять вид оборванца и т. д.: *Минги таудан жан чыдамаз бир бузлауукъ тиледи, / Этген тилегине кѣзю бла тубеди* [6, с. 196–197] ‘Попросил Минги тау наслать такой сильный мороз, чтобы его не могло перенести [ни одно] живое существо. / [Его] просьба была тут же исполнена’ [6, с. 459].

Отражение христианства

По мнению В. М. Батчаева, до XVIII в. основной формой религиозных верований балкарцев было «сложное переплетение язычества с элементами православного христианства» [1, с. 163]. Это, конечно, не могло не отразиться в их устно-поэтическом творчестве, если учесть тот факт, что подобные произведения подвергались различного рода трансформациям

на протяжении жизни народа, связанным и с его религиозными верованиями. В нартском эпосе есть гимн, посвященный Элия букв. ‘молния’ (пророк Илья), который, как отмечают исследователи, напрямую обусловлен принятием христианства. Эпический текст отражает факт поклонения Илье как пророку: *Нарт элинде, адам кълмай, жыйылгъанды, Элия! / Халкъ термилед баш уругъа, бир кёрюнчю, Элия! / Элия, Элия, Элия! / Элия, Элия, Элия! ...* [6, с. 283] – ‘В стране нартов все до единого собрались, Элия! / Народ жаждет тебе поклониться, покажись же, Элия! / Элия, Элия, Элия! / Элия, Элия, Элия! ...’ [6, с. 582].

Согласно эпическому образу, Элия имеет крылья, он освещает дорогу путникам: *Элия къланаты башыбыздады, / Ойра, рирара, ой! / Нарт жолубузу ол жарытады. / Ойра, рирара, ой!* [6, с. 287] – ‘Над головами нашими Элии крыло, / Ойра, рирара, ой! / Пусть нартов путь освещает оно. / Ойра, рирара, ой!’ [6, с. 586]. Он также придает нартам силу: *Элия болсун бизге кюч берлик! / Ойра, рирара, ой!* [6, с. 287] – ‘Элия пусть будет силу нам дающий! / Ойра, рирара, ой!’ [6, с. 586].

У одного из главных героев эпоса Ёрюзмека на правой лопатке был *кълч* ‘крест’. Связан ли данный символ – *кълч*, он же *жор* (крест) с тенгрианством или же это символ христианства – трудно сказать. – *Угъай! Онг жауурунумда кълчым барды, – дейди, – / Ариу тиширыугъа тёбеп, тутмай кълмазгъа антым барды, дейди* [6, с. 106] – ‘Нет, я так не уйду! У меня на правой лопатке – *кълч* (крест), / [Я должен быть верен] своей клятве – делить ложе со всеми красивыми женщинами, которых я встречу’ [6, с. 349]; *Барама да – кесим тас, / Бармайма да – бетим тас, – дейди. / – Онг жауурунумда кълчым бар, / Быллай жерлеге, къркълуп, / Бармай кълмазгъа да антым бар!* [6, с. 110] – ‘Если поеду – голову потеряю, / Если не поеду – честь [нарта] потеряю, – сказал. / – [Ведь] я на правой лопатке *кълч* (крест) имею, – сказал, – / Я [ведь] дал клятву не проезжать мимо / Вот таких неведомых мне мест, – сказал’ [6, с. 352–353]. В карачаево-балкарском языке есть выражение *жор эт* ‘креститься, делать рукой молитвенный жест креста’: *Къарт кълтынла жор эте, Аллахны эсгере, жашыртын жилий эдиле* ‘Старухи крестясь, плакали, скрывая слезы’ [8, с. 920].

Заключение

В ходе исследования выявлено, что тенгрианство занимало значимое место в системе религиозных воззрений карачаевцев и балкарцев, что подтверждается наличием в их эпических текстах целого ряда номинаций божеств с компонентом *тейри*. В них в большей степени отражаются те божества, которые связаны с основными элементами окружающей действительности (небо, земля, солнце, вода и др.). При этом в нартском эпосе небо олицетворяет мужское начало, тогда как земля – женское. В нем, как и в карачаево-балкарском языке в целом, функционируют дескрипции типа *тейри жарыкъл* ‘заря’, *тейри кълылыч* ‘радуга’, *тейри эшик* ‘врата бога Тейри’, *тейри эшиги ачылыргъа* ‘посчастливиться, повезти кому-либо’, *тейри эшик ачылыу* ‘знамение, при котором открываются небесные врата’, *тейри адамы* ‘человек Тейри’, *тейри* ‘честное слово, клянусь’. Несмотря на свою архаичность, они употребляются носителями языка и в настоящее время.

С тенгрианством сопряжен и шаманизм как определенная ступень религиозных воззрений карачаево-балкарского народа. В нартском эпосе его составляющие представлены наименованиями различных персонажей и орудиями их деятельности, для обозначения которых используются следующие языковые единицы: *билгич* ‘предсказатель, ясновидящий’, *къртх* ‘вещунья, гадалка, предсказательница’, *обур* ‘оборотень, колдун (колдунья), упырь’, *сиблчи* ‘жрец (определенного разряда)’, *жантау* ‘волшебный аркан’, *кечеги бёрк* ‘ночная шапка (она позволяет видеть все на свете)’, *кълмичи* ‘плеть (атрибут шамана, являющийся символом силы и власти)’, *сибл бёрк* ‘волшебная шапка (шапка-невидимка)’ и др.

Смена религиозной парадигмы привела к появлению в сознании носителей языка, соответственно и в нартском эпосе, образа *Элии* (Ильи-Громовержца), освещающего путь нартов и дающего им силу. В нем обнаруживается и главный атрибут христианства *кълч* (*жор*) ‘крест’.

Литература

1. Батчаев В.М. *Балкария в XV–начале XIX вв.* Москва: ООО «ТАС-ИЗДАТ»; 2006:240.
2. Аюпов Н.Г. *Тенгрианство как открытое мировоззрение.* Алматы: Издательство “КИЕ”; 2012:264.
3. Шаманов И.М. Древнетюркское верховное божество Тенгри (Тейри) в Карачае и Балкарии. В кн.: Алексеева Е.П. (ред.) *Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкессии.* Черкесск: Карачаево-Черкесский НИИ истории, филологии и экономики; 1982:155–170.
4. Малкондуев Х.Х. Отголоски тенгрианства в карачаево-балкарском фольклоре. В кн.: Дробизhev Л.М. (ред.) *Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических исследований 1980–1981 гг., посвященная 60-летию образования СССР (1982 г.). Тезисы докладов.* Нальчик: КБНИИФЭ; 1982:153–154.
5. Klaproth von, J. *Kaukasische Sprachen. Anhang zur Reise in den Kaukasus und nach Georgien von Julius von Klaproth.* Halle, Berlin; 1814:288. (На немецком яз.)
6. Ортабаева Р.А.-К., Хаджиева Т.М., Холаев А.З. (ред.) *Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев.* Москва: Восточная литература; 1994:655. (На карачаево-балкарском и русс.-яз.)
7. Гузеев Ж.М., Жаппуев А.А. (ред.) *Толковый словарь карачаево-балкарского языка.* Т. 2. З–Р. Нальчик: Эль-Фа; 2002:1168.
8. Гузеев Ж.М., Ахматов И.Х., Жаппуев А.А. (ред.) *Толковый словарь карачаево-балкарского языка.* Т. 1. А–Ж. Нальчик: Эль-Фа; 1996:1016.
9. Булекбаев С.Б., Булекбаева Р.У. Тенгрианство – религия и философия древних тюрков. В кн.: Федорова Л.В. (ред.) *Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность: сборник статей VII Международной научно-практической конференции (21–22 июня 2019 г., Бишкек, Кыргызстан).* Бишкек: Алтын тамга; 2019:82–87.
10. Сеидов М. *Кам-шаман и обций обзор на его источники.* Баку: Гянджлик; 1994:232.
11. Безертинов Р.Н. *Тенгрианство – религия тюрков и монголов: научно-популярное издание, 2-е изд., доп.* Казань: Слово; 2004:448.
12. Урусбиева Ф.А. *Метафизика колеса. Вопросы тюркского культурогенеза.* Сергиев Посад: Весь Сергиев Посад; 2003:208.
13. Хаджиева Т.М. Тенгрианство в карачаево-балкарской «Нартиаде». *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.* 2017;5(33):231–236.
14. Гузеев Ж.М., Жаппуев А.А. (ред.) *Толковый словарь карачаево-балкарского языка.* Т. 3. С–Я. Нальчик: Эль-Фа; 2005:1157.
15. Джуртубаев М.Ч. *Происхождение нартского эпоса.* Нальчик: ООО «Тетраграф»; 2013:805.
16. Бадмацыренова Д.Б., Будаин А.А. Элементы шаманизма в бурятском эпосе о Гэсэре. *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2017;1–1(67):65–68.
17. Джуртубаев М.Ч. *Древние верования балкарцев и карачаевцев: Краткий очерк.* Нальчик: Эльбрус; 1991:256.
18. Хаджиева Т.М. (ред.) *Народное поэтическое творчество балкарцев и карачаевцев: (Нартский эпос. Мифологическая и обрядовая поэзия).* Нальчик: Эльбрус; 1988:304. (На карачаево-балкарском яз.)

References

1. Batchaev VM. *Balkaria in the 15th–early 19th centuries.* Moscow: LLC “TAS-IZDAT”; 2006:240 (in Russian).
2. Ayupov NG. *Tengrianism as an open worldview.* Almaty: KIE Publ.; 2012:264 (in Russian).
3. Shamanov IM. The ancient Turkic supreme deity Tengri (Teiri) in Karachay and Balkaria. In: Alekseeva EP (ed.) *Problems of archeology and ethnography of Karachay-Cherkessia.* Cherkessk: Karachay-Cherkess Research Institute of History, Philology and Economics; 1982:155–170 (in Russian).
4. Malkonduev KhKh. Echoes of Tengrianism in Karachay–Balkarian folklore. In: Drobizhev LM. (ed.) *All-Union session on the results of field ethnographic research 1980–1981, dedicated to the 60th anniversary of the formation of the USSR (1982). Abstracts.* Nalchik: KBIHFE Publ. House; 1982:153–154 (in Russian).
5. Klaproth von, J. *Kaukasische Sprachen. Anhang zur Reise in den Kaukasus und nach Georgien von Julius von Klaproth.* Halle, Berlin; 1814:288 (in German).
6. Ortabayeva RA-K, Khadzhieva TM, Kholaev AZ. (eds.) *Narts. The heroic epic of the Balkars and Karachays.* Moscow: Oriental Literature Publ.; 1994:655 (in Karachay-Balkar and Russian).

7. Guzeev JM, Zhappuev AA. (eds.) *Explanatory dictionary of the Karachay-Balkar language*. Vol. 2. Z–R. Nalchik: El-Fa Publ.; 2002:1168.
8. Guzeev JM, Akhmatov IH, Zhappuev AA. (eds.) *Explanatory dictionary of the Karachay-Balkar language*. Vol. 1. A–J. Nalchik: El-Fa Publ.; 1996:1016.
9. Bulekbayev SB., Bulekbayeva RU. Tengrianism – religion and philosophy of the ancient Turks. In: Fedorova LV (ed.) *Tengrianism and the epic heritage of the peoples of Eurasia: origins and modernity: collection of articles of the VII International Scientific and Practical Conference (June 21–22, 2019, Bishkek, Kyrgyzstan)*. Bishkek: Altyn tamga Publ.; 2019:82–87 (in Russian).
10. Seidov M. *Kam-shaman and a general overview of his sources*. Baku: Gyandzhlik Publ.; 1994:232 (in Russian).
11. Bezertinov RN. *Tengrianism – the religion of the Turks and Mongols: popular science edition, 2nd ed., supplement*. Kazan: Slovo Publ.; 2004:448 (in Russian).
12. Urusbieva FA. *Metaphysics of the wheel. Issues of Turkic cultural genesis*. Sergiev Posad: The whole Sergiev Posad Publ.; 2003:208 (in Russian).
13. Khadzhieva TM. Tengrianism in the Karachay-Balkarian “Nartiad”. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. 2017;5(33):231–236 (in Russian).
14. Guzeev JM, Zhappuev AA. (eds.) *Explanatory dictionary of the Karachay-Balkar language*. Vol. 3. S–Ya. Nalchik: El-Fa Publ.; 2005:1157.
15. Dzhurtubaev MCh. *The origin of the Nart epic*. Nalchik: LLC “Tetragraf”; 2013:805 (in Russian).
16. Badmatsyrenova DB, Budain AA. Elements of shamanism in the Buryat epic about Geser. *Philology. Theory & Practice*. 2017;1–1(67):65–68 (in Russian).
17. Dzhurtubaev MCh. *Ancient beliefs of Balkarians and Karachays: A brief outline*. Nalchik: Elbrus Publ.; 1991:256 (in Russian).
18. Khadzhieva TM (ed.) *Folk poetic creativity of Balkarians and Karachays: (Nart epic. Mythological and ritual poetry)*. Nalchik: Elbrus Publ.; 1988:304 (in Karachay-Balkar).

Об авторах

Ахматова Мариям Ахматовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры карачаево-балкарской филологии, ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова», ORCID: 0000-0002-0507-395X, e-mail: mari.ahmatova@yandex.ru.

Хуболов Сахадин Магаметович, кандидат филологических наук, доцент кафедры карачаево-балкарской филологии, ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова», ORCID: 0000-0002-1016-5023, e-mail: khubol@yandex.ru.

About the authors

Mariam A. Akhmatova, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of Karachay-Balkarian Philology, Kh. M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University, ORCID: 0000-0002-0507-395X, e-mail: mari.ahmatova@yandex.ru.

Sakhadin M. Khubolov, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Karachay-Balkarian Philology, Kh. M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University, ORCID: 0000-0002-1016-5023, e-mail: khubol@yandex.ru.

Вклад авторов/Authors' contribution

Ахматова А. М. – разработка концепции, проведение исследования, создание черновика рукописи, редактирование рукописи, руководство исследованием, получение финансирования.

Mariam A. Akhmatova – conceptualization, investigation, writing original draft, writing, review and editing, supervision, funding acquisition.

Хуболов С. М. – методология, проведение исследования, получение финансирования.

Sakhadin M. Khubolov – methodology, investigation, funding acquisition.

Конфликт интересов/Conflict of interests

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no relevant conflict of interests.

Поступила в редакцию 12.02.2025 / Submitted 12.02.2025

Принята к публикации 04.03.2025 / Accepted 04.03.2025